

Ирина Пастушкова

Художница

12+

Инна Пастушка

Живущая

«Автор»

2017

Пастушка И.

Живущая / И. Пастушка — «Автор», 2017

ISBN 978-5-532-08788-0

Автобиографическая повесть, в которой автор с предельной искренностью и откровенностью рассказывает о самом тяжёлом периоде своей жизни, когда в возрасте тридцати трех лет ей был поставлен онкологический диагноз; о том, через какие испытания ей пришлось пройти, каким нелёгким путём двигаться, преодолевая болезнь, меняя свое внутреннее мироощущение, обретая себя, заново родившуюся на пути физического и духовного исцеления. «Выражаю благодарность А. Свяшу за книгу, которая помогла мне в трудный момент жизни». Книга адресована всем исцеляющимся и исцеленным и просто живущим на планете Земля.

ISBN 978-5-532-08788-0

© Пастушка И., 2017

© Автор, 2017

Инна Пастушка

Живущая

Когда я только начала писать свою историю, одна из моих первых читательниц назвала меня стрекозой. Признаться, я растерялась, расстроилась. Потом поняла, а я ведь и есть стрекоза – беспечная, беззаботная попрыгунья-стрекоза, которая к своим тридцати трём годам всё скакала и скакала по жизни, не желая становиться взрослой. Пока однажды не оказалась там, где сходятся два мира. Один наш – земной, физический, понятный и изведанный. Другой – неизвестный, пугающий, далёкий... но куда рано или поздно, согласно законам природы, открывается дверь. Только всему своё время. И стрекоза из всех сил, нет, уже не скакала, – карабкалась вперёд и вперёд, цепляясь за каждый день дарованной Богом жизни.

I

В это майское утро я ехала в областную больницу за ответами. Переживать не было причин. Всего-навсего воспалился лимфоузел – врачи называли это лимфоденитом, выписали кучу таблеток и запретили беспокоиться. Через полгода лимфоденит был признан кистой, и врач УЗИ долго возмущалась, кто из ее коллег мог так ошибиться:

– У вас есть медицинское заключение старого обследования? – деловитым тоном, не сулящим ничего доброго для ее коллег-врачей, поинтересовалась она.

Когда я показала медицинское заключение, где красовалась её фамилия и её же личный, похожий на крючок росчерк, она возмутилась:

– Некогда эти бумажки разбирать! Еще неизвестно, что это – киста или опухоль... Быстро, быстро к хирургу, пока не поздно!

Хирург того же диагностического центра, не спрашивая моего согласия, безапелляционно сообщил, что операция будет через три дня в их стационаре, но сначала я должна сдать анализы в своей районной больнице. Он разборчивым почерком (не свойственным врачам) обозначил стоимость операции, посчитал трехдневное пребывание в стационаре, плюс питание, и на счете заиграла сумма, которую я вполне могла потянуть. Могла, но не хотела. У меня было одно желание – скорей сбежать домой и просто выплакаться. Я расплатилась за разовое посещение и решила: скорей домой, домой, домой...

Но домой я так и не поехала. Выйдя из кабинета, позвонила старой знакомой и узнала фамилию врача, который некогда лечил её маму, и о котором я слышала от неё много хорошего. Оказалось, что этот замечательный врач и просто хороший человек работает в областной онкологии. Услышав название больницы, я не на шутку испугалась.

– Да не бойся ты, – засмеялась она, – скажешь, что от меня, и всё будет прелестно. Думаешь, профессор сам будет твою кисту резать? Назначит интерна, и через пару дней будешь, как новая копейка. И не бери близко к сердцу всё, что там увидишь. Больница, понимаешь ли, необычная, но ты там надолго не удержишься...

Не прошло и часу, как я уже была в кабинете профессора:

– Ой, больно! – каждый раз восклицала я, когда он нажимал на грудь.

– Болит, значит хорошо, – успокоил он меня, – похоже на кисту, но пункцию делать придется.

Профессор – Юрий Степанович был преклонного возраста, немногословным и удивительно добрым человеком. Его утонченная, аристократичная внешность с глубоким, проникающим в душу взглядом вызывала симпатию и доверие. Именно про таких говорят: «сохранил остатки мужской привлекательности». Уже потом мне рассказали, что когда-то он был большим ценителем женской красоты и настоящим ловеласом.

Юрий Степанович передал меня другому врачу, и это совсем не был интерн, как предполагала моя знакомая. Моим лечащим врачом стал доцент, с которым мы очень быстро подружились. Каждый день я приходила к семи часам утра, сдавала необходимые анализы, делала обследования, угощала кофе, печеньем и другими сладостями соседок по палате. И радовалась, что скоро, очень скоро все эти кабинеты, коридоры – останутся лишь в воспоминаниях. В этой больнице меня смущало всё, кроме светлого, с окнами на больничный сад кабинета доцента. Мы могли подолгу кофейничать, он рассказывал мне о своей работе, семье, иногда прямо при мне принимал пациентов, не считая своим долгом объяснять, кто я такая и что здесь делаю.

Однажды он мне сообщил, что пришли ответы пункции и есть подозрение на лимфогранулематоз. Это трудновыговариваемое слово меня совсем не расстроило, и я всем знакомым потешно сообщала об этом необычном для меня диагнозе. На следующий день доцент удалил мой значительно увеличившийся лимфоузел, и мне ничего не оставалось, как ждать результаты гистологии. Я не поскупилась в благодарностях и отблагодарила моего спасителя такой суммой в зеленом эквиваленте, что у того от неожиданности вспотел лоб.

В палате, куда меня временно поселили – добавилось пациентов, и мне принесли старую медицинскую кушетку. Она стояла у двери и была там явно лишней, как будто указывая, что кому-то скоро на выход. Не смотря на то, что больница была онкологической и люди там лечились не от гриппа, их настроение на удивление не казалось подавленным. Нельзя сказать, что это касалось всех больных, но в большинстве своём люди, видимо, адаптировались. Да и я не вышла из обычного жизненного ритма. В больницу ходила, как на работу. Припрятанная кругленькая сумма денег на разные непредвиденные нужды создавала мне некий внутренний покой, и моё недешёвое обследование не доставляло особенного беспокойства. В свои тридцать три года я внешне не дотягивала и до двадцати шести. Моя причёска, макияж, парфюм, привычки – всё оставалось прежним. О тапочках и больничном халате не могло быть и речи. Я купила лаковые сиреневые босоножки без задников на невысоком каблучке, такой же, под цвет, узкий, приталенный халатик чуть выше колен и вышивала по отделению, как по парковой аллее. Когда узнала, что меня там прозвали – мадам Брошкина, даже совсем не обиделась. Хотя... не знаю, как Брошкина, но я себе очень даже нравилась, и будущее мое было самым светлым и благополучным.

II

И вот в один из таких благополучных, солнечных майских дней я отправилась в больницу за ответами. Наконец-то, долго ожидаемые результаты гистологии были готовы. Сначала я хотела позвонить своему доценту и узнать ответы по телефону, но потом решила провести уже бывших соседок по палате последний раз. По дороге я составляла планы на ближайшие месяцы жизни. В первую очередь я должна съездить на море, пока не наступила невыносимая летняя жара. Пора устраивать личную жизнь. Сегодня же куплю путёвку в самый лучший дом отдыха и там подыщу себе подходящего холостяка. А что?! В моём возрасте еще не поздно родить ребенка – такую махонькую, кареглазую худышку с торчащими коленками – точную копию меня. Пора, пора что-то менять.

В это утро я не стала переодеваться в свой сиреневый наряд, еще вчера увезла его домой. Кому сказать, что покупала его для больницы: или засмеют, или не поверят. А те, кто меня знает, даже не удивятся. Как-то моя подруга призналась, что не удивится, даже если услышит по радио, что я улетела на луну.

Возле кабинета доцента никого не было и, отбив для приличия мелкий перебор пальцами по двери, я заглянула внутрь. Увидев меня, он резко поднялся, пошёл ко мне навстречу, потом передумал, сел на место и заявил, что ответы ещё не пришли, дескать, надо подождать.

– Может по кофейку? – предложила я.

– Не знаю... может... А, знаешь, лучше потом, потом... – таким я его никогда не видела.

Признаться, я обиделась. За эти две недели мы успели стать друзьями и знали друг о друге больше, чем положено врачу и пациенту. Наверное, у него проблемы, а я веду себя, как эгоистка, – решила я, подпирая спиной стену в узком, слабоосвещенном коридоре.

В этом коридоре было что-то не так. Никогда раньше не замечала, чтобы свет здесь был таким тусклым. Медперсонал тоже ведёт себя как-то подозрительно: пробегают все мимо, не смотрят в глаза, как будто я собираюсь попросить чего-то там в долг. И вдруг меня осенило! Ведь сегодня день моей выписки – они ждали от меня подарков, букетов – конфет, в конце концов, а я... Не долго думая, я спустилась в буфет и купила конфет, несколько шоколадок, пару бутылок шампанского, – даже удивилась, что в больнице продают спиртное – предусмотрительные какие. Разделила всё по пакетам и стремглав поднялась на пятый этаж. Доцента в кабинете не было, и один из пакетов я протянула дневной медсестре Наташе, которая проходила по коридору:

– Наташ, я выписываюсь, спасибо тебе за всё! Ты замечательный человек...

– Ой, что ты?! Не надо, не надо! – отпрянула она от меня и юрко скрылась за дверью кабинета старшей медсестры.

Странное поведение Наташи меня обеспокоило даже больше, чем беспричинное равнодушие доцента, которое я списала на его личные проблемы. Я не раз делала этой улыбчивой, безгранично доброй девушке небольшие подарки, и она всегда с радостью их принимала. Однажды, в переизбытке своих пациентских чувств, я обрызгала её духами, когда узнала, что после смены наша любимая медсестра идёт на свидание. Она была на десятом небе от счастья, хоть и отметила, что пользоваться парфюмом во время работы им строго запрещено. Тогда я просто отдала ей оставшийся пузырёк и взамен получила благодарный медсестринский поцелуй в обе щеки, – и вдруг сегодня такое...

Я не знала, как себя вести и мне ничего не оставалось делать, как топать в палату на свою кушетку.

– Ты еще здесь?! – удивилась Ангелина Михайловна, – думала, уже не зайдёшь. Смотрю, стоит – стену подпирает. Чего это он тебя сегодня – бортонул?

С Ангелиной Михайловной мы подружились в тот день, когда я выходила из наркоза. Лёжа на своей кушетке, я в полудреме слушала её истории жизни. Невыносимо громкий, чуть грубоватый голос несколько раз вырывал меня из сна, и я раздраженным бормотанием призывала её снизить децибелы. Это помогало, но ненадолго. Через пару минут она входила в свой привычный ритм и снова басила на всю палату. Из всех её рассказов почему-то запомнилось только то, что в молодости она загорала без лифчика и теперь решила, что это и есть причина её нынешнего заболевания. Потом, когда я окончательно пришла в себя, она ещё много раз рассказывала, как давно приехала из Сибири и купила квартиру в нашем городе. Только никого у неё здесь нет, была двоюродная сестра и та уехала.

Её кровать стояла в углу, возле окна, и она часто подолгу смотрела в окно, как будто кого-то выглядывала.

– Чего молчишь? А бледнющая какая! Случилось чего?

– Сама не знаю, – я уже не могла сдерживать беспокойство, – никто со мной не хочет разговаривать, говорят: «ответы ещё не пришли».

– Это ты с Надеждой из пятой палаты в один день делала?

– Ну, да, – вспомнила я.

– Как же тогда не пришли?! Слышала, какой вой в пятой стоит...? Ей не говорили, а она все равно узнала.

– Что узнала? – сама не знаю, зачем задала этот вопрос.

Что ещё можно узнать в этой больнице, когда ждёшь результаты анализов? Я выскочила из палаты и бросилась напрямик к Надежде. Та с красным лицом, заплаканная, не понимала, о чём я спрашиваю.

– Четвёртая стадия, – тихо сказал её муж.

– Но сейчас всё можно вылечить, всё... – как-то коряво, неуверенно я попыталась успокоить этого большого, растерянного человека, занявшую соседнюю кровать возле жены.

Он опустил голову и ничего не ответил. Не зная, что ещё сказать, я снова возвратилась в свою палату.

Ангелина Михайловна держала в руке розовую атласную ленту:

– Ты пошла, – смотрю, что-то лежит. Подняла... А это же твоя лента – с платья? Кругом надувательство! Такие деньги дерут, а шить вообще не умеют! Платье-то новое, смотрю...

Я почувствовала себя настолько плохо, что Ангелине Михайловне – грузной женщине восьмидесяти лет от роду, пришлось резво подхватиться и усадить меня на кушетку.

– Ух, напугала! Ты чего это тут – в обмороки падать собралась?! Ответы получила что ли?

– Нет, – с трудом пролепетала я.

– Так чего ты, из-за ленты что ли? Ой, нашла из-за чего сознание терять! Вон руки есть – пришьёшь.

Эта кушетка, лента, палата – всё вокруг стало настолько ненавистным, что я подорвалась, как бешеная, и побежала к доценту. Или пусть мне всё говорит, или... А что «или»? Что я могла сделать?

В кабинете его не оказалось, и я не нашла ничего лучшего, как мерить шагами коридор. Сколько же палат в этом отделении, если он такой длинный – вон сто пятьдесят шесть шагов насчитала. Пока я занималась математическими измерениями, в отделение зашел доцент. Я бросилась к нему, но неожиданно из открытого кабинета старшей медсестры долетели слова:

– Чего он ей не скажет? Маячит с самого утра, как... Все равно ведь узнает!

Я стала искать того, кто здесь маячит. К моему ужасу, кроме меня здесь вообще никого не было. В последний момент я передумала идти к доценту и, заглянув в кабинет старшей медсестры, взглядом вызвала Наташу. Боясь рухнуть на пол, я оперлась об стену и к большому своему удивлению начала улыбаться:

– Ой, Наташ, я уже всё знаю, он мне сказал. Просто занят сейчас, просил, чтобы ты мне во всех подробностях рассказала.

Наташа с необыкновенной добротой в глазах взяла меня за руку, и мне окончательно сделалось дурно. Рука вспотела, я испугалась, что выдам своё волнение, и они снова продолжат играть в эту невыносимую молчанку. Набравшись сил, с неестественной, искажающей лицо страдальческой улыбкой, я спросила:

– У меня – это...?

– Ну, раз он просил, тогда пойдём в манипуляционную, я всё расскажу.

Я испугалась, что нам кто-то или что-то может помешать, или она передумает, и я так до конца не узнаю всей правды. За этот час или два (не помню, сколько длилось моё неведение) я узнала, что значит наткаться на глухую стену молчания.

– А давай тут, а?

Она вздохнула и, как есть, на духу, выпалила:

– У тебя в лимфоузле нашли клетки.

– А, ну да, он говорил. А какие клетки? – прикинулась я душой.

Но, признаться, тут же приободрилась. Это всего лишь какие-то клетки, тем более в лимфоузле, который уже неделю, как удалили.

– Ну, как тебе сказать? – подбирала слова Наташа, – не совсем хорошие клетки.

– Злокачественные, что ли? – если честно, я совсем не разбиралась ни в медицине, ни в анатомии, ни тем более в каких-то клетках, и мне самой показался нелепым мой вопрос.

– В общем так. Не буду тебя томить: у тебя в лимфоузле обнаружены клетки, которые попали туда из какого-то органа, который имеет железистую ткань. Пока будут искать опухоль, тебя переведут на восьмой этаж к Константину Константиновичу – это химиотерапевт. И смотри, если что, только к нему просись. Он хоть и строгий дядька, но лучше него – специалиста по химии нет. И ещё... ты молись. Люди с таким диагнозом всё делают, чтобы выжить. И по церквям, и по бабкам ходят...

Я шла по коридору в обратную сторону от выхода. В самом конце коридора находились туалеты, видимо, я туда и направлялась. Я интуитивно искала прибежище от того зла, которое на меня навалилось в один момент. Надо было спрятаться, чтобы тебя не нашли и не вернули в реальность, от которой некуда сбежать.

Не знаю почему, но я дёрнула дверь одной палаты и зашла в пустую, обшарпанную комнату, с растекшейся на полу побелкой. Я смотрела в окно со своего пятого этажа и видела живущих, ходящих, о чём-то говорящих людей, к которым себя больше не относил. У меня не было мыслей. Было только сознание, что меня скоро не будет. Вдруг я услышала мужской голос. Ко мне незаметно, а может и заметно, подошёл муж Надежды и что-то говорил. Наверное, он хотел пожаловаться на жизнь, рассказать о своей боли. Но, когда я к нему повернулась, он испуганно оглянулся и поспешил выйти, плотно закрыв дверь. До сих пор не пойму, как он тогда меня нашёл в той неубранной комнате, как будто специально оставленной для тех, кому надо выплакаться. И правда, только он вышел, как у меня ручьём полились слёзы. Не знаю, сколько я там пробыла, но, видимо, не очень долго, потому что меня покинули силы, и я больше не могла выплакивать и выносить на ногах свою боль. Вероятно, поэтому здесь и не было ни одного стула, чтобы долго не задерживались. Уже через некоторое время в кабинете доцента передо мной дымились чашка кофе.

Кофе. С этого момента я потеряла вкус. Еда, напитки, удовольствия... – всё это перестало для меня существовать. Я отодвинула чашку и только спросила:

– Я умру?

– С чего ты взяла?! Будем лечить...

Я рассердилась не по-детски.

– Лечить от чего, от рака?! У меня мама, мамина сестра, бабушка – умерли от рака! А я значит вылечусь?! – я постаралась взять себя в руки, стыдясь своей несдержанности, и уже спокойным тоном отчетливо сказала: я хочу знать правду – это же моя жизнь. В конце концов, это моя болезнь и я хочу хотя бы попробовать...

Доцент пересел ко мне на соседний стул и по-дружески, по-доброму заглянул в глаза:

– Вот сейчас ты говоришь правильные слова. Если сама захочешь выздороветь – выздоровеешь. Медицина ведь не стоит на месте. Сейчас нам главное найти орган, который дал метастаз. Я тебе больше скажу: лимфогранулематоз, который мы предполагали, это намного опасней, чем молочная железа. А я почти уверен, что искать надо там.

Когда я услышала слово «метастаз», чуть не упала со стула. Оказалось, что клетки, о которых говорила Наташа, это и есть метастаз. А лимфогранулематоз – это вообще рак лимфатической системы.

– У меня подозревали рак лимфатической системы, и вы молчали?! – справедливо возмутилась я, – я целую неделю прожила с этим, пусть и не подтвердившимся диагнозом и ничего не делала...

– А что ты могла сделать? Мы должны были убедиться, а не быть голословными, – отчеканил доцент.

– Да как же вы не понимаете, я уже целую неделю могла просить Бога об исцелении! А знаете, что я делала? Вчера я весь вечер провела с подружкой в парке в кафе. Мне там один парень случайно вылил на ноги горячий чай – вот видите в платье пришла, не могу брюки надеть. А я знаете, что ему сказала? Сказала, что это всего лишь чай, главное все живы и

здоровы. Раньше бы я по-другому отреагировала. Но, после того, как ваш завхоз Алевтина Дмитриевна сказала, что мне на СПИД проверяться надо, я жизнь совсем другими глазами увидела.

Ошарашенный доцент никак не ожидал такого признания. Оказывается, он даже не подозревал, как сильно я мучилась. А дело было так...

III

Алевтина Дмитриевна, будучи завхозом, совмещала в себе функции и личного секретаря, и делопроизводителя, а иногда даже медсестры. Нельзя сказать, чтобы в отделении её любили, скорее предпочитали не связываться. И вот в одно прекрасное утро, когда доцент ушёл на операцию, а я пришла позже обычного, она подошла и просто сказала:

– Там тебе передали: на СПИД тебе провериться надо.

У меня подкосились ноги.

– Зачем? – пролепетала я.

– Не знаю. Сказали только, чтобы срочно.

Я побежала к старшей медсестре, она взяла кровь и объяснила, что это обычная процедура, а при увеличенном лимфоузле – обязательная. Я заплакала и попросила не скрывать от меня, и если у меня обнаружили СПИД, пусть прямо сейчас скажет. В моей голове пронеслись последние годы жизни, моё одиночество, при видимой, показной успешности. Я не понимала, как могло произойти, что такое грозное заболевание пусть краем, но коснулось моей жизни.

– Через сколько будут анализы?

– Недели через две, не раньше. Но, если хочешь, езжай сама в центр по СПИДу и проси, чтобы сделали быстрее.

Я так и сделала. В тот же день, перед сдачей крови, я разводила сырость в кабинете врача предварительного осмотра. Она проверила мои подчелюстные и заушные лимфоузлы и вынесла вердикт:

– Нет у вас никакого СПИДа. Идите, сдавайте кровь, ответы будут готовы через неделю.

– Очень прошу: можно быстрее?

– Тогда скажете там, что едете за границу, и ваши ответы будут готовы послезавтра.

Когда я выписывала чек, долго не могла придумать, в какую страну направляюсь. На меня посмотрели, как на ненормальную и предложили определиться со страной, а потом приходиться. Я расплакалась, показала направление с онкодиспансера.

– Так что ж вы раньше молчали? Зачем про выезд-то придумали?

– Чтобы анализы быстрее получить, – призналась я.

– Анализы все делаются одинаково, цена только разная, – усмехнулась медсестра и направила меня в лабораторию.

Сдав кровь, с согнутой в локте рукой, я ждала пока выйдет время. Возле меня остановились двое мужичков одинаково низкого роста и круглого телосложения, обоим им было где-то за пятьдесят.

– Девочки, а провериться можно? А то сейчас жизнь такая, что всего боишься! – сказал один из них, заглядывая в кабинет лаборатории, с настежь распахнутой дверью.

Молодая медсестра небрежным кивком головы указала на стул, и мужчина, не к месту извиняясь, нелепо хихикая, прошёл в кабинет. Его приятель стал что-то мне объяснять, оправдывая своё появление в этом центре.

– Думаю, всё будет хорошо, – сказала я, и, не дожидаясь пока полностью остановится кровь, поспешила уйти.

Через день я получила ответы, где было указано, что ВИЧ–статус отрицательный. Я принесла с собой большущий пакет со сладостями и отдала его врачу предварительного осмотра,

которая дала мне возможность эти два дня прожить. А потом взяла и просто расплакалась вслух, навзрыд – прямо под её кабинетом. Охранник, видя такое дело, насторожился, о чём-то спросил у медсестры. Та только отмахнулась от меня своим привычным небрежным жестом. И вот этот её жест я запомнила на всю жизнь, как знак свободы, отпущение идти дальше по жизни и самой решать, как ей распорядиться.

В тот же день я принесла ответы в своё отделение и в первую очередь показала их Алевтине Дмитриевне.

– А мне это зачем?! – возмутилась она, – вон ему пойдёшь, отдай.

– Просто хотела, чтобы вы тоже знали.

– Да знала я, что у тебя ничего нет. Зато видишь, как испугалась, уже и ответы принесла.

А то бы две недели ждала.

IV

Мы договорились с доцентом, что он больше ничего не будет от меня скрывать. И в подтверждение, он отдал мне стёклышки, которые Алевтина Дмитриевна, по его просьбе, принесла из больничной лаборатории.

– Пойдёшь завтра к профессору анатомии Василянкой Марии Ильиничне в мединститут. Найдёшь её кафедру – возле морга. Пусть ещё она посмотрит. А потом сразу ко мне. Только зайди к Юрию Степановичу, пусть напишет ей записку, это его давнишняя приятельница.

Когда в маршрутке у меня зазвонил телефон, я пожалела, что не взяла такси. Звонила моя подруга – Марийка. Я ответила, что наберу позже.

– Скажи хотя бы, какой ответ, – не унималась она.

– Потом. Не могу сейчас, – еле сдерживая эмоции, прошептала я.

– Тебе что – трудно?! Просто скажи: всё хорошо?

– Нет.

– Так, а что там...? – настаивала она.

– Что ты пристала?! – я не выдержала, у меня задрожали губы и раздался всхлип, – сказала, не могу говорить.

Она испугалась и бросила трубку. Мне показалось, что пассажиры, откровенно наблюдая за мной, обо всём догадались, учитывая остановку, на которой я села. Не выдержав их любопытных взглядов, я вышла на несколько остановок раньше. А потом решила не дожидаться завтрашнего дня, и помчалась на кафедру анатомии, зажав в руке стёклышко и записку от Юрия Степановича. Марийка уже была там. Она обняла меня, убеждая, что это ошибка.

– Какая ошибка?! – неожиданно для самой себя, закричала я, – у меня рак! Рак! Ты что – не слышишь?! У меня рак!

Из кабинета выглянула одетая в тёмную одежду, высокая, худощавая женщина лет пятидесяти. Лицо без намёка на косметику было строгим, даже, можно сказать, суровым. Её русые, некрашенные волосы до плеч были собраны в тугий хвостик. Обычно я немножко побаиваюсь таких женщин и отношу их к тому типу ботаников, которые в жизни чувствуют себя скорей профессионалом своего дела, нежели женщиной.

– Что случилось? – спросила она.

– Вы Василянская Мария Ильинична? – залепетала я.

Она не ответила, взглядом давая понять, что это так и есть. Я рассказала, зачем здесь, отдала записку, стёклышки. На записку она даже не глянула.

– Подождите здесь, – обратилась она к Марийке, и я поняла, что меня приглашают в кабинет.

Мы сели возле лабораторного стола с каким-то большим агрегатом, куда она разложила стёклышки и минут пять их рассматривала. Потом повернулась ко мне:

– Смотрю, молоденькая такая. Ты держись, главное, верь. Молись, – молитва всё может, молитва чудеса творит...

В ней что-то изменилось. Если доброта умеет одушевляться, то она набросилась на мою профессоршу и завладела ею без остатка. Мне захотелось прижаться, обнять эту ещё недавно строгую женщину, и чтобы она говорила, говорила... Она обязательно подскажет, научит, как выбраться из этой беды.

– А я книгу читала, – вдруг доверительно затараторила я, – Булгаков «Белая гвардия». Там Елена за брата Алексея молилась Пресвятой Богородице. От тифа тот умирал, батюшка уже отпевать шёл, а сестра заперлась в спальне, и молиться стала. И так неистово молилась, что в её больной, несчастной голове икона ожила. И пришло ей: надо обет дать: если излечится брат Алексей, вовек больше не видеть мужа любимого – Сергея, которого без памяти любила. Услышали её Там, и тут же в дверь кто-то сильно постучал. Открыла она, и сообщили ей, что кризис миновал – ожил брат.

– Тогда и я тебе расскажу, – Мария Ильинична держала мои руки в своих и делилась: когда заболел мой отец (он тогда при смерти был) я что только ни делала, по каким врачам ни возила – ничего не помогало. Тогда я к Богу обратилась и дала Ему обет, что буду помогать людям. Благо, я врач, – знаю, как помочь. Отец потом ещё очень долго жил. А мама и сейчас живая. С ней такая же история была. Инсульт хватил её, парализовало – и речь, и руку – всё отобрало. Но я уже знала, что делать. Снова обет Богу дала, что жить для людей стану, – поняла тогда, что нашла свою задачу на земле.

Когда мы расстались с Марией Ильиничной, я осознала, что тоже нашла свою задачу. Вернее, одну из задач – «общение с интересными людьми». Я поняла, как много в жизни потеряла, общаясь с себе подобными. Косметика, одежда, развлечения – это всё, что меня интересовало последнее время. Столько лет я потратила впустую, просыпаясь и засыпая с меркантильными, пустыми мыслями.

В коридоре лаборатории меня ждала Марийка. Она тоже не теряла зря времени и познакомилась со студентом из Ливана. Её умение заводить знакомства меня уже давно не удивляло. Имея привлекательную, даже можно сказать, сногсшибательную внешность, эта длинноногая блондинка с большими зелёными глазами пользовалась особенным успехом у мужчин.

– Ты знаешь, что мне сейчас сказали? – кинулась она ко мне, указывая на своего нового знакомого, – если в течение пяти лет не будет метастазов и рецидива, болезнь будет считаться излеченной.

– Пять лет... – задумалась я, – а есть у меня эти пять лет...?

Возле дома я попросила Марийку оставить меня одну и вошла в своё жилище совершенно другим человеком, нежели уходила утром.

У

Вечер. Соседние дома, квартиры молчат. Как будто чувствуют мою печаль. Телефонный шнур валяется на полу. Дверные замки закрыты на все обороты. Свет погашен. Привыкаю к темноте. Запрещаю себе думать. Не всегда получается. Поэтому кричу. Кричу сильно. Ругаю, обзываю свое тело. Оно подвело меня. Оно не имело право так со мной. Тело огрызается и просит есть. Удивительно устроен организм человеческий. Несмотря на все страхи, горести и ужасы сегодняшнего дня, я в потемках бреду к холодильнику. Мой организм получает порцию невкусной еды и затихает.

Ровно два часа ночи. С постели меня подрывает животный страх. Моего тела больше не будет. Это чернота. Она вокруг. Я ухожу...

Ровно три часа ночи. Меня опять что-то поднимает. Оно не дает дышать. Дыхание – это самое главное, это жизнь. Хватаюсь руками за горло, хочу снять, отбросить то, что навалилось,

мешает. Нащупываю. Это мышечный спазм. Моя шея в размере увеличилась вдвое. Разве такое бывает? Может мне это кажется? Разберусь завтра утром. Если доживу.

Семь часов утра. Я готова умереть. Я понимаю самоубийц – всё равно жизни больше не будет. Нет, я не хочу, чтобы меня забрал тот, который внизу. Я подожду. Мои губы шепчут молитву, произносят имя Бога. При слове «Бог», шейные мышцы отпускает. С сегодняшней ночи моя шея вообще живет своей жизнью. Надувается, душит, сдувается... Я на коленях читаю «Отче наш» по двадцать пятому кругу. Других молитв я не знаю. Отче, я готова, приходи, забирай. Но меня что-то держит, не пускает. Почему?! Я же готова. А вот и они собственной персоной – моя родня. «Ну? Что вам от меня надо? Не надо плакать, не надо. Мы все будем там. Я буду не одна, я буду с Богом». Я начинаю сердиться, даже злиться. Я кричу им невидимым:

– Это же я умираю, не вы! Да поймите же, я готова!

Что же делать? Я чувствую их боль, их страдание. Нет, они не отпустят меня... Стоп! Я знаю, я знаю, что делать! Пишу письмо – моё прощальное письмо на четыре страницы. После каждой страницы шея становится меньше. Письмо написано – мышечный отек спал. Я освобождаюсь от их переживаний, страданий и неожиданно познаю свободу. Но настоящую свободу я познаю, когда освобождаюсь от их любви. Теперь я одна. У меня почти даже не осталось страха. Зову Господа, за Ним готова куда угодно. И Он пришел. Я почувствовала Его. Я почувствовала Его так сильно, что желание умирать пропало.

УІ

Я спрятала письмо, твёрдо решив, что ещё не настало время отдавать его родным, и тут же принялась за дело. А дело заключалось в том, что я из всех сил вспоминала имя автора, чью книгу мне настойчиво советовала почитать Марийка, возвращаясь вчера домой. Я ничего не хотела слышать, и даже прикрикнула на неё, чтобы она отстала со своими книгами. А теперь вот пришлось ждать, когда эта соня, наконец, соизволит проснуться. К моей радости, часов в десять утра зазвонил телефон. Но, каково же было моё удивление, когда узнала, что Марийка уже давно на ногах и ждёт моего пробуждения. Мы поговорили минуты три... а больше и не требовалось, потому что умудрились поссориться. Моя замечательная подруга напрочь отказалась идти со мной покупать книгу. Дескать, у самой дел по горло.

Как же так?! Я же больна, я умираю, а она... Вот умру, потом сто раз пожалеет, что отказала. Ладно, обойдусь и без неё. Главное, я узнала название книги и автора. В какой-то неистовой надежде найти рецепт исцеления, я побежала к ближайшему книжному магазину. Но, ни там, ни в другом магазине книги не оказалось. Тогда я вспомнила, что видела специальную литературу в переходе у главной площади города. Туда я добралась легко и быстро, но, тут же столкнулась с неожиданной проблемой. Оказывается, то ли с вчерашнего дня, то ли с этой минуты, но у меня развилась агорофобия. Это такой страх площадей и другого большого, открытого пространства. Стоило мне сделать несколько шагов, как началось сильное головокружение. Чтобы не упасть, оставалось только присесть, или быстрее возвратиться назад. Я возвратилась и снова заняла исходную позицию у начала площади, держась за низкое ограждение. Время было к полудню, и невыносимая жара добавила ещё больше смятения в мою и так кружащуюся голову. Я решила и снова сделала пару шагов. К своему ужасу я поняла, что не смогу перейти площадь. Все квадратики, которыми она была вымощена, начали смещаться, плыть и уходить из-под ног. Как специально, вокруг никого не было. Тогда я решила уйти той дорогой, по которой пришла. Но не тут-то было! Дорожка, которая привела меня к площади, как оказалось, тоже была выложена квадратиками, а вокруг в клумбах цвели розы. Я была в западне. Мне ничего не оставалось, как вызывать МЧС или умереть от жары на этих злополучных квадратиках. И тут я решила. Задрав голову вверх, чтобы не смотреть под ноги, я

пошагала, пошагала вперёд. Губы шептали «Отче наш», а я шла и шла... Невозможно передать, кому-то покажется смешным, но, это была моя победа – я пересекла площадь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.